

ARTICLE INFO

Received: 04th December 2024
Accepted: 10th December 2024
Online: 11th December 2024

KEYWORDS

Leningrad, Olga Bergholz, siege, starvation, Leningrad Radio Committee, "February diary", city party committee, breaking the blockade of Leningrad.

THORNY PATH

Saparbaeva Saltanat Zoldasbaevna

2nd year Master's degree in the Faculty of Russian Language and Literature.

Karakalpak State University

<https://doi.org/10.5281/zenodo.14377492>

ABSTRACT

The essay explains how Olga Bergholz developed as a poet of the war-torn Leningrad in a tough siege atmosphere. The author recounts the challenging journey of Bergholz's battle with exhaustion, weakness, cold, and persistent malnourishment in the midst of continuous bombing and shelling, drawing on her recently published diaries of the war years. This gave her the opportunity to speak with Leningraders about their hardships and experiences, which Bergholz articulated in her poetic Because of her high citizenship, she was regarded by all Leningraders as the city's first poet.

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ

Сапарбаева Салтанат Жолдасбаевна

2 курс магистрант факультет Русского языка и литературы

Каракалпакский государственный университет

<https://doi.org/10.5281/zenodo.14377492>

ARTICLE INFO

Received: 04th December 2024
Accepted: 10th December 2024
Online: 11th December 2024

KEYWORDS

Ленинград, Ольга Берггольц, блокада, голод, Ленинградский радиокомитет, «Февральский дневник», городской комитет партии, прорыв блокады Ленинграда.

ABSTRACT

В статье описывается становление Ольги Берггольц в роли поэта сражающегося Ленинграда в суровых условиях блокады. О причинах в дневниках, которые недавно были опубликованы Берггольц, автор описывает тяжелый путь, который она прошла, борясь с закатом, слабостью, холодом и продолжая недоеданием в условиях постоянных бомбежек и стрел обсуждений, что дает ей основание говорить с ленинградцами об их страданиях и лишениях. Ее гражданственность, выраженная в ее поэтическом творчестве, сделала Берггольц первым поэтом блокадного города в глазах.

Введение

В написании о жизни и творчестве Ольги Фёдоровны Берггольц в период Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда преобладает мнение, что она стала символом сражающегося Ленинграда и его «Блокадной Мадонной» с самого начала войны. В 2015 году научное издание опубликовало полный текст дневников Берггольц за период Великой Отечественной войны, без изъятий и сокращений. Это позволяет понять, что сегодня трудно было стать первым поэтом блокадного Ленинграда. На это уже обратило внимание Н. А. Громов в его тщательном обращении. Правда в том, что в первые дни войны Берггольц написал очерк о ленинградцах, который транслировался по ленинградскому радио. Однако в своем дневнике в те же дни она признается, что устала от «непрерывного внутреннего напряжения, от дум, от тянущего сердца страха». 8 июля 1941 года Берггольц записал в своем дневнике, что наблюдал за «напуганными, деморализованными людьми, жадными бегством из Ленинграда»: Вчера я утешала, уговаривала, спорила до тех пор, пока сама не стала бояться до дурноты, до обморока... но это невозможно скрыть.[2:31]

В августе 1941 года, когда обстоятельства под Ленинградом стали все более опасными, Берггольц, глубоко эмоциональный человек, почувствовал острую опасность. В своем дневнике 18 августа 1941 года она задалась вопросами: «Так неужели же мы погибнем?» Говорят, что кольцо вокруг Ленинграда сжимается, потому что они уже давно перешли Мгу. Эвакуация, которая, к сожалению, происходит слишком поздно, затрагивает женщин, детей и кинофабрику, а также животных из Детского Села. Женщины не хотят путешествовать, потому что многие боятся потерять жизнь на дороге. В этот момент он принимает решение: «Я никуда не уеду из Ленинграда, кроме как в последний момент, с Армией!». Она образует временные переживания страха и безысходности, которые записаны в дневнике: «Только бы не струсить, не пасть духом, не пожелать жить — не пожелать скотине».[3:76]

Тем не менее, наступивший ноябрь 1941 года включил конец надежды всем : Ленинград был заблокирован. Берггольц описывает свое отчаяние, Чем она доверяет своему дневнику, и говорит: «Ну, как же не будет чувства умирания? Все исчезает, а будущего нет. Все вокруг смерти. 13 сентября 1941 года она записала: «Свищет и грохает». Количество хлеба резко сократилось, а также сократился керосин, и это привело к резкому голоду. Да, поскольку люди скоро сойдут с ума. Отвечая самой себе на вопрос: «Неужели я уже сдался?», мы чувствуем себя угнетенными , а неорганизованность и растерянность нашей территории — это наша собственная срамой... Вот что ужасно! Тем не менее, немцев сюда нельзя отпускать. С ними не будет лучше ни для меня, ни для общества в целом. Я слышал, что для этого мне нужно писать стихи и другие произведения.

Берггольц сильно влила в встречу с Анной Ахматовой 24 сентября 1941 года. В своем дневнике в тот же день она написала, что пришла к Ахматовой. Она живет в подвале дворника, который был убит артснарядом на ул. Желябова, и находится в темном углу прихожей. Она живет на досках, сидя рядом друг с другом, на матрасишке у края и закрывая глаза. Анна Ахматова, муза плача и гордость русской поэзии, уникальный, большой и светящийся Поэт. Она больная и нестабильная, и я должен

написать для Европы о героической защите Ленинграда, Международного культурного центра. Я физически не могу написать этот очерк. 38. «Мне предлагали уехать, улететь на самолете в Москву с Ахматовой», — отметил Берггольц в записи, написанной 1 октября 1941 года. [4:12]

Обстановка осени 1941 года в осаждённом Ленинграде не способствовала творческому настрою Берггольц, как видно из её неоднократных признаний в дневнике. 28 сентября в соседнем доме упали две большие фугасные бомбы, когда я был в доме радио. Дом так и колыхался... 19 часов 45 минут — воздушная тревога. Спустилась вниз в бомбоубежище со своего места. Хотя это липовое, почему обязательно прямое попадание? Скрипит... невозможно услышать звуки бомбы или зениток... Да, лучше, когда происходит бомбёжка, потому что это не слышно, и ты умрёшь так, как умрёшь, но ты не можешь унижать себя страхом перед смертью. Поэтому я должен говорить о себе, как могу, потому что я здесь. Я отдаю все, что у меня есть... Я не виноват в том, что работаю полностью в нашей системе. [5:90]

Очевидно, что в данном случае дело не в беспокойстве Я. М. Бабушкина, редактор Ленинградского радиокомитета, в соответствии с указаниями радиокомитета, находится под наблюдением партийных органов и цензур. Берггольц пытается себя работать и в условиях постоянных бомбёжек и обстрелов, преодоления усталости, слабости, холода и недоедания. В своем дневнике 27 ноября 1941 года она написала: «А я почти не в состоянии работать здесь, в бомбоубежище, — холодно, неудобно в пальто, есть мучительное желание, — с утра только чашка кофе и 2–3 ложки манной каши, — и мне нужно написать очерки о партизанах.

Тем не менее, консервативное и душевное состояние и рекомендации Берггольц были негативными повлияны голодной зимой 1941–1942 годов, которая перенесла огромную страдание и нищету ленинградцев. Она понимает, что в нынешних обстоятельствах ей пришлось покинуть осаждённый город. «Я знаю, что это самое разумное и правильное, что я могу и должна сделать», — пишет Берггольц 1 декабря 1941 года, и думает, что, когда он думает об отъезде, он буквально отчаянен. отчаяние, появилось чувство, что неизбежная смерть. [6:88]

В этом месте она хочет убедить себя, что ее произведения, даже те, которые нарисовали плакаты командиров одной армии, где она недавно их прочитала, не имеют десятикратной оригинальности для Ленинграда. Он решает только это, не заменяя хлеба, окружающего мира или оружия. Если ленинградцы не будут похожи на мои стихи, их судьба не изменится. В настоящее время эти стихи, очерки, статьи, даже если они действительно хорошие или партнеры исторического искусства, не подходят. Они были нужны в тот момент, когда немцы почти захватили Ленинград. Возможно, и самой важной была стабильность и твердость, но не сейчас, когда люди на улицах голодают.

Берггольц, читая свои записи декабря 1941 года, заметил, что с каждым днем она становилась все более убежденной в том, что она должна выйти из осаждённого города. Она написала 7 декабря 1941 года: «Итак, если немец за это время не возьмёт Волхов и не прорвется на Новую Ладогу, мы едем 10–12 декабря». У меня больше нет никаких сомнений в морали. Мне больно и, кажется, я обомлею себя, уезжая, о

введении Ленинграда вымирающим, обледеневшим, голодным и обстреливаемым с чудовищной свирепостью. Однако что я могу сделать для него и его жителей? Или чудом выжить, или погибнуть вместе со всеми. Вероятность второго одобрения. Если я выживу, я буду физически истощен до такой степени, что ничего не смогу сделать, и, что самое главное, у Колей явно будет катастрофа.[7:73]

Берггольц получила в декабре от руководства Ленинградского радиокomiteта задание подготовить передачу передачи, которая должна была бы транслироваться по радио для всех ленинградцев в канун нового 1942 года, что помогло ей расстаться с потоком и планами по эвакуации, хотя и на время. Но это не всё. Она твердо держится в своем дневнике 20 декабря, что не позволит себе голодать. Сейчас я работаю над созданием наиболее эффективной передачи о Рождестве для радиостанции... Что можно сказать голодному Ленинграду?

Ей действительно было что сказать умирающим ленинградцам, которые тогда получали лишение и страдания. 21 декабря 1941 года Берггольц с осторожностью заявил: «Ну, вот, написала спецпередачу: «Рождественское письмо» вчера». Утром она перепечатала, сидя в нежилом доме при температуре четыре градуса мороза, без воды, в окутанных ногами тулупе и надевых самых грязных перчатках. На улице в десять раз теплее, чем дома. Но вчера я ожесточился, точно был какой-то новый этап, и решил, что буду, буду держаться до тех пор, пока не упаду на улицу. Спустя несколько дней понял, что продолжит держаться до конца. «Мы должны были лететь завтра», — написала Берггольц в своем дневнике 26 декабря 1941 года. В последний момент, когда нужно было взять посадочные талоны, Смольный звонок сообщил, что план запущен. [8:99]

Заключение

Прошел еще год, и еще сотни и даже тысячи жителей мира, не освобожденных полностью от блокад Ленинграда, погибших от артиллерийских обстрелов. Только в канун нового 1944 года Ольга Берггольц по праву выступает перед слушателями, которые хорошо знали голос своего поэта, вселявшего в них надежду и веру в победу. «Уважаемые товарищи!» — воскликнет она.

Сегодня мы встречаем новый 1944 год. Это третья встреча с Новым годом. Это слишком много... Но мы были бы в ужасе, если бы нам сообщили, что мы будем встречать Новый год в блоке еще два раза.

Однако мы не знали своих натуральных сил. Кроме того, выяснилось, что у нас есть еще много: мы встречаем третий новый год в осаде, в отличие от двухлетней давности. «Уважаемые товарищи!» — воскликнет она. Сегодня мы встречаем новый 1944 год. Это слишком много... Это третья встреча с Новым годом. Но мы были бы в ужасе, если бы нам сообщили, что мы будем встречать Новый год в блоке еще два раза. Однако мы не знали своих натуральных сил. Кроме того, выяснилось, что у нас есть еще много: мы встречаем третий новый год в осаде, хотя это совсем не так, как два года назад, но тем не менее... Однако мы не будем встречать четвертый новый год таким образом! Этого достаточно, хватит! В настоящее время это не только вера в победу, но и уверенность в ее сроках. Мы никогда не ограничивали свою жизнь ленинградскими радостями и печалью. Мы глубоко переживаем все, чем живет наша родина. Эту высокую, в войне обретенную гражданственность нам нужно сберечь навсегда...». Сама

Ольга Берггольц сберегла обретенную в блокаде гражданственность своей поэзии до конца жизни.

References:

1. Банк Н. Б. Ольга Берггольц: критико-биографический очерк. – Москва; Ленинград: Советский писатель, 1962.
2. Берггольц О. Ф. Блокадный дневник (1941–1945) / ответственный составитель Н. А. Стрижкова. – Санкт-Петербург: Вита Нова, 2015.
3. Берггольц О. Ф. Дневные звёзды. Говорит Ленинград. – Москва: Правда, 1990.
4. Берггольц О. Ф. Избранные произведения. – Ленинград: Советский писатель, 1983.
5. Берггольц О. Ф. Ольга. Запретный дневник: дневники, письма, проза, избранные стихотворения и поэмы Ольги Берггольц. – Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2010.
6. Громова Н. А. Ольга Берггольц: Смерти не было и нет: опыт прочтения судьбы. – Москва: АСТ, 2017.
7. Оконева О. М. «... И возвращусь опять»: страницы жизни и творчества О. Ф. Берггольц. – Санкт-Петербург: Logos, 2005.
8. Хренков Д. Т. От сердца к сердцу: о жизни и творчестве О. Берггольц. – Москва: Советский писатель, 1982. Шумилов Н. Д. В дни блокады. – Москва: Мысль, 1974.